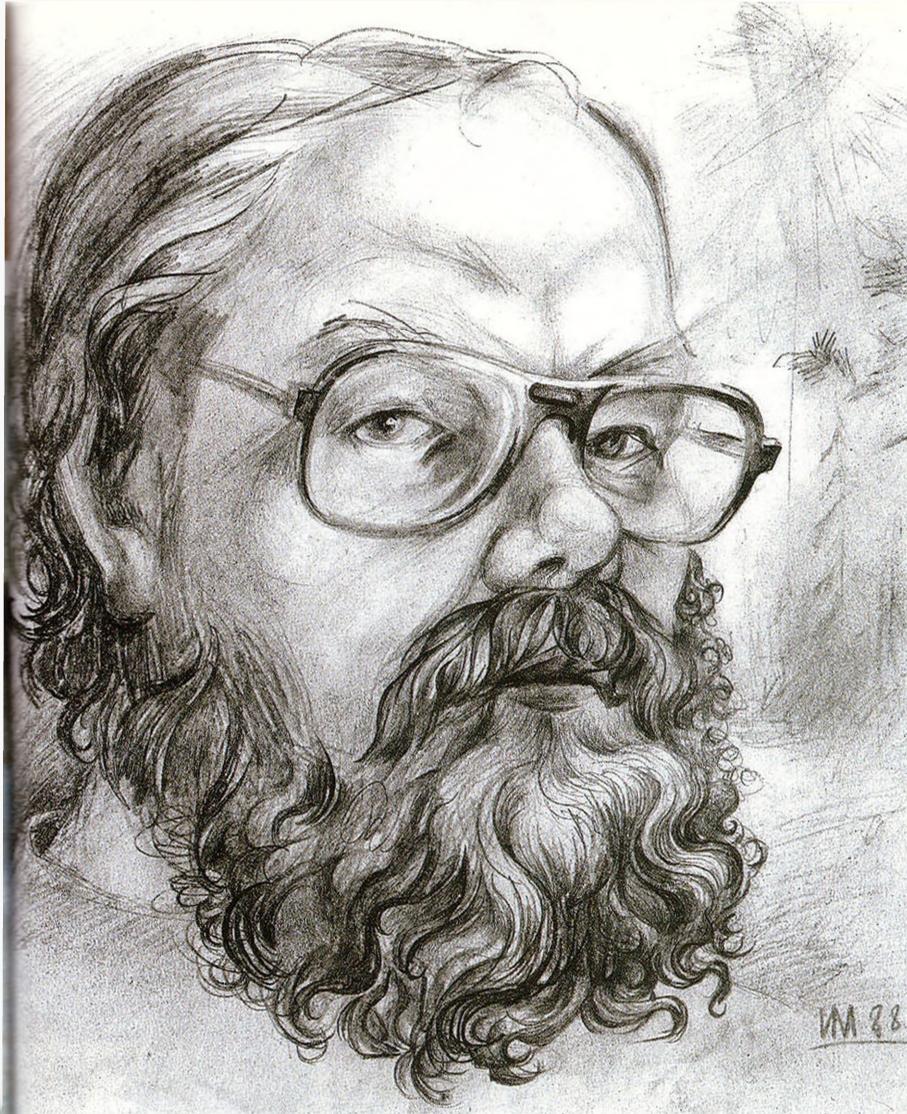

Текст / Людмила АНДРЕЕВА

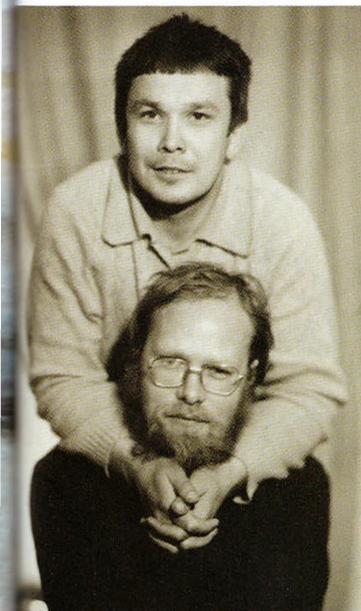

Великий мистификатор

Обидно сознавать, что до коммерческого успеха и признания на Западе гениальный художник Игорь Майоров не дожил всего год. После смерти в 1991 году множество его произведений беспрепятственно вывозились из страны и продавались на аукционах Европы: в Гамбурге, Париже, Хельсинки, Мюнхене, Лондоне. В Гамбурге в 1992 году почти каждую его акварель оценивали в 2-3 тысячи марок. В 1995 году в Вене была организована выставка-продажа его работ в галерее «Альбина» – и в первый же день были проданы все работы – 800 графических листов и рисунков. А в марте 1996 года таможенники Санкт-Петербурга задержали 262 рисунка, которые пытались вывезти в Германию. Его картины осели повсюду – у коллекционеров Финляндии, Англии, Франции, Голландии. Работы мастера разлетелись по всему миру. В далекой Аргентине, в США, Канаде, Японии, Малайзии знают и любят Майорова.

MaYOR – MoRYa

Игорь Евгеньевич Майоров родился в 1946 году в Петербурге. С детства он рисовал везде и при любых обстоятельствах – на бумаге, книгах, обоях, полу. В 10 лет на международном фестивале детского рисунка в Индии мальчик из кружка изостудии Ленинградского Дворца Пионеров получил Гран-При, и его рисунок украсил обложку каталога фестиваля. После такого признания Игоря перевели в школу при Академии художеств, потом в художественное училище им. Серова. Он стал лучшим учеником Марины Георгиевны Тиме-Блок, племянницы поэта А. Блока, которая в 17-летнем юноше высоко оценила талант живописца и его мягкий характер.

Будущее обещало быть прекрасным. Но судьба оказалась непредсказуемой и жестокой.

Подростком он получил судимость, взяв на себя вину младшего брата, который подрисовал усы и выколол глаза портрету Ленина. За эту «мелочь» ему тогда, в советские времена, дали три года. В тюрьме он овладел мастерством чеканщика высочайшего художественного уровня. Свидетельством тому было, что в 1977 году власти, «забыв» о его политической неблагонадежности, поручили ему, к 60-летию революции изготовить чеканное панно площадью 24 квадратных метра у входа на ВДНХ – он оказался лучшим мастером в стране.

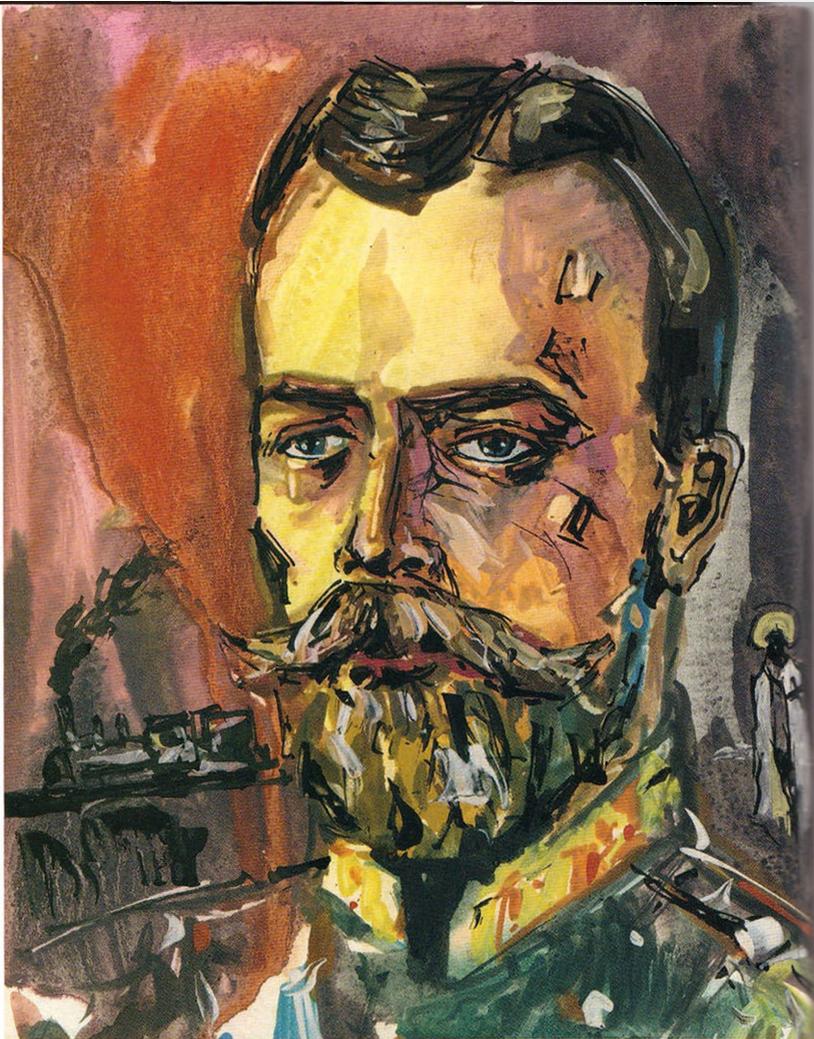
В 1981 году Майорова постигает новое несчастье. Он получает вторую судимость. Защищая пожилую женщину, Майоров в потасовке убивает местного преступного авторитета. За превышение самообороны Игоря осудили на 8 лет, а бедную, ни в чем не повинную старушку – на 5 лет. Но друг Игоря – Роберт Габитов – не оставил его в беде. Роберт обращался в различные инстанции, в том числе и к председателю Комитета советских женщин В.Терешковой, с которой

42 познакомился в Звездном городке в 1977 году (тогда же и подарил ей работы Майорова). Ходатайства, подписанные Терешковой, помогли. Верховный суд СССР отменил решение Верховного суда РСФСР и освободил невиновных.

Художник от Бога – Майоров был сложный, глубоко ранимый человек. Используя каждую свободную минуту, он создавал. Только работа могла вернуть радость жизни и смысл существования. И он работал. Работал, как жил – неистово, без пауз и передышек. Высокий, крупный, синеглазый бородач, напоминавший былинного героя, сочинял стихи и не роптал на судьбу. В его стихотворении есть строчка: «Кому везло – мне не везло, но в невезенье этом, может, был счастлив я...» Он никогда не жаловался на жизнь, принимая ниспосланную ему судьбу как данность. Он отдавал последние деньги, мог осыпать незнакомку цветами. И он же мог во хмелю упасть на колени перед мавзолсем и обратиться к Богу.

Его непредсказуемая, стихийная натура проявлялась во всем. Случалось, что за сутки рисовал более сотни акварелей. «Игорек один работает как целая фабрика», – говорил про него Лев Николаевич Гумилев.

Для мастера не существовало технических трудностей – акварель, чеканка, фарфор, масло, карандаш – все было подвластно ему. Он достиг таких высот, что сочную реалистическую картинку мог написать чем угодно – щепкой, спичкой, пальцем, а акварель – мастихином – грубой стальной лопаточкой, совсем для акварели не приспособленной...

Художник от Бога – Майоров был сложный, глубоко ранимый человек. Используя каждую свободную минуту, он создавал. Только работа могла вернуть радость жизни и смысл существования.

Нездолго до смерти он говорил друзьям: «Только сейчас я знаю, как надо работать! Если я останусь – я такое создам!!!» Но... жизнь его оборвалась в 44 года.

Короткая и титаническая жизнь, опрокидывающая действительность, вдохновляла его на то, что сейчас является предметом коллекционирования во всем мире. Он был исключительно артистичным художником и обладал способностью остро чувствовать нарабатанный стиль и мог исполнять работы в манере уже известных художников. Так, Майоров несколько увеличил художественное наследие Шемякина, Михнова-Войтенко, Шагала, Филонова и почти на три тысячи акварелей творчество Анатолия Зверева. Искусствоведы называют его «блистательный, талантливый, виртуозный мистификатор» и до сих пор теряются в определении авторства.

Игорь Майоров вышел из забвения, которое посмертно хотело поглотить его, благодаря усилиям его лучшего друга Роберта Габитова, который организовывал множество его посмертных выставок.

Картины Майорова украшают дома М.Ростроповича, М.Плисецкой, Б.Окуджавы, Б. Ахмадулиной, Д. Гранина, Р. Шедрина, Теда Тернера, Арнольда Шварцнегера, Льва Гумилева, Михаила Горбачева, Д.Лихачева, Б.Окуджавы, Н.Михалкова.

Мстислав Ростропович как-то сказал: «Глубоко убежден, что Майоровский Бетховен – один из лучших в иконографии Бетховена. Явное ощущение демонически-врубелевской стихии. Гениальный портрет».

Работы Майорова оказались даже у Жака Ширака, от которого о художнике узнал, как говорят, Борис Николаевич Ельцин.

Теперь работы Майорова считаются национальным достоянием...

Он надолго запоминается своими цветами, пейзажами, портретами, фантазийными женскими созданиями.

Особой поэзией наполнены его вариации городских пейзажей. Мокрые улицы, туманно-жемчужные силуэты классических зданий, мосты, каналы, острые шпили – атрибутика Петербурга, но почему-то в каждом таком питерском пейзаже мы невольно, парадоксально для самих себя, обнаруживаем и угадываем то Собор Парижской Богоматери, то Амстердамские набережные, то крыши и двory старого Арбата.

После его смерти осталось более 10000 акварелей, живописных полотен, чеканных панно, иллюстраций к литературной классике.

На наш с вами суд оставил он свое наследство. Смотрите, восхищайтесь, негодуйте, утверждайте...

44

Особой поэзией наполнены его вариации городских пейзажей. Мокрые улицы, туманно-жемчужные силуэты классических зданий, мосты, каналы, острые шпили – атрибутика Петербурга

